

АЛЕКСЕЙ С. ТИТКОВ

МВШСЭН, Москва, Россия

Призрак советского человека

doi: 10.22394/2074-0492-2019-4-53-94

Резюме:

Статья восстанавливает теоретическую логику, на которой был построен исследовательский проект «Советский человек» группы Юрия Левады. На основе публикаций проекта реконструирована «ранняя» модель, включающая набор установок по отношению к «антиномиям» советской системы, и более поздняя, в которой подчеркивается набор адаптивных характеристик («приспособленный», «двуличный» и др.). Выясняются эмпирические и теоретические основания, побудившие авторов проекта отказаться от изначальной гипотезы об «исчезающем типе» советского человека. Прослеживается связь между динамикой проекта «Советский человек» и ранними теоретическими работами Юрия Левады в 1970-е — 1980-е годы, в частности, сдвигу его интересов от структурного анализа к проблемам действия. Выясняются теоретические предпосылки критических текстов Левады постсоветского периода (концепции «социального перелома», «вырожденного случая»). Подчеркивается роль общих методологических установок группы Левады: «транспонирование» понятий западной социологии при описании советского/российского случая; выяснение исторического контекста, в котором возникали термины; сравнение с «обобщенным Западом», обязательная привязка исследовательских задач к «большим проблемам» своего общества (государства). Обсуждаются возможности актуализации («обратного транспонирования») теоретических разработок Левады в рамках академического сообщества, не разделяющего тем для академической дискуссии предлагается сравнение концепций модернизации в СССР, предложенных Левадой и поздним Парсонсом в «Системе современных обществ», а также возможности концепции Левады для объяснения и прогноза социальных изменений в масштабах поколений (десятилетий).

Ключевые слова: Левада, советский человек, СССР, посткоммунистический переход, поколенческий анализ

53

Титков Алексей Сергеевич — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), доцент кафедры социологии МВШСЭН. Научные интересы: политическая социология, история социологических идей, культурсоциология. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Alexey S. Titkov¹

MSSSES, Moscow, Russia

The Spectre of the Soviet Man

Abstract:

The article restores the theoretical logic behind Yuri Levada and his team's research project, "Soviet Man". Based on the project's publications, the article reconstructs both the "early" model, which included a set of attitudes toward the "antinomies" of the Soviet system, as well as the later model which emphasized a set of adaptive characteristics ("adapted", "two-faced", etc.). The empirical and theoretical foundations that prompted the authors of the project to abandon the original hypothesis about the "disappearing type" of the Soviet man are clarified. There is a connection between the dynamics of the "Soviet Man" project and the early theoretical works of Yuri Levada in the 1970s and 1980s; specifically, there is a shift in his interests from structural analysis to action problems. The theoretical prerequisites of the critical texts of the Levada of the post-Soviet period (the concepts of "social change", "degenerate case") are clarified. The role of the general methodological guidelines of the Levada group is emphasized: "transposing" the concepts of Western sociology in describing the Soviet / Russian case; elucidating the historical context in which the terms arose; attempting a comparison with the "generalized West", the obligatory linking of research tasks to the "big problems" of their society. Possibilities of updating ("reverse transposing") the theoretical developments of Levada within the framework of the academic community that does not share the basic methodological principles of the project are discussed. As possible topics for academic discussion, a comparison of the conceptions of modernization in the USSR — introduced by Levada and the late Parsons in the System of Modern Societies — is proposed, as well as the possibilities of the Levada's concept for explaining and predicting social changes across generations.

Keywords: Levada, Soviet Man, USSR, post-Communist transition, generation studies

«Странный призрак бродит по нашей земле... под именем человека Советского: он одновременно реален и ирреален, всем известен и неуловим» [Левада, Ноткина 1989: 11]. Первые строки программной статьи Юрия Левады, опубликованной на старте проекта «Советский человек», поставили задачу, которую предстояло решить в эмпирическом исследовании. Параметры «советского человека»,

¹ Alexey S. Titkov — Associate Professor of MSSSES, sociologist (MSSSES 2010), Candidate of Geographical Sciences (Institute of Geography, RAS, 2008). Research interests: political sociology, history of sociological ideas, cultural sociology. E-mail: a-titkov@yandex.ru

их устойчивость и изменчивость, стали главными вопросами исследовательской программы группы Левады на годы вперед.

Тридцать лет спустя «советский человек» в текстах проекта выглядит таким же призрачным существом. «Советский человек» (уже «постсоветский») постоянно меняет облик, но в каждом превращении остается тем же самым. «Мы стремимся рассматривать этот сформированный прошлой эпохой феномен в меняющихся общественных условиях как лабильный, адаптирующийся и благодаря этому — в высшей степени устойчивый» [Левада 2011 [2003]: 366]¹.

Драматизм охоте за «советским человеком», которую ведет группа Левады, придает не подтвердившаяся, как оказалось, исходная гипотеза проекта. Левада и коллеги часто пересказывают историю: «Было у нас предположение, что мы... вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... И человек выходит на свободу... Дальше мы прокатали следующие волны этого исследования... и с этого времени мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали “советским”, никуда от нас не делся... Или точнее: мы сами от него никуда не делись» [Левада 2004].

В отличие от других образцовых исследований советского периода², таких как «Человек и его работа» А. Здравомыслова и В. Ядова, выводы проекта «Советский человек» до сих обсуждаются. Свежий пример — работа В. Радаева о «миллениалах», полемизирующая с тезисом Ю. Левады и Л. Гудкова, что тип «советского человека» воспроизводится и в наше время; в противовес ему предлагается гипотеза социального перелома, произошедшего в 2000-е годы [Радаев 2018; Радаев 2019: 15-30]³.

По сравнению с главной идеей проекта, которая у всех на слуху, теоретическая логика «Советского человека» остается в тени. Моя

- 1 Основная часть статей Ю. Левады в рамках проекта «Советский человек» собрана в шестом томе («Проблема человека») посмертного собрания сочинений, подготовленного по инициативе Тамары Васильевны Левада. Статьи, включенные в том, цитируются по этому изданию. Для понимания проекта принципиально важна также коллективная монография «Советский простой человек» [Левада и др. 1993] по итогам первой волны исследования.
- 2 Рецензия на монографию «Советский простой человек» [Левады и др. 1993] в «Социологическом журнале» оценивает ее как «лучшее, что было достигнуто российской социологией за последние годы» [Согомонов 1994].
- 3 Оспаривая выводы проекта Левады, В. Радаев с его преимущественно эмпирическим фокусом мало интересуется логикой концепции «советского человека» и представляет ее очень схематично. Сведение ее к «политическому подходу» [Радаев 2019: 17-25] оказывается сильным упрощением, а предложенная Левадой альтернативная концепция «социального перелома» остается за рамками анализа.

задача — разобраться с предпосылками и аргументами многолетнего исследования.

«Кто читает Леваду?»

Почему концепция Левады, определившая логику проекта, в прошлые десятилетия почти не обсуждалась — на этот вопрос мы знаем ответы, указывающие на роль социального контекста. Д. Димке [2012] доказывает, что феномен «классиков без классики», выдающихся фигур без образцовых академических текстов, был типичным для всей советской социологии. По версии Д. Димке, такое положение объяснялось тем, что советские социологи считали главной работу вне академического поля: более важной была задача «говорить правду» властям и массовой аудитории. Социологи, особенно социологи науки [Бикбов, Гавриленко 2002; Бикбов, Гавриленко 2003; Соколов 2009; Соколов 2012; Соколов, Титаев 2013; Филиппов 2013], много сделали, чтобы выяснить, как и почему институциональные условия советской и постсоветской социологии повлияли на характер социологических текстов и на возможность или невозможность дискуссий по их поводу.

56

В дискуссию о социальных условиях науки охотно включаются продолжатели Ю. Левады, прежде всего Л. Гудков [2006; 2010]. По версии Л. Гудкова, нехватка теоретических дискуссий вокруг исследований, посвященных «большим проблемам», объясняется неразвитостью общества и зависимостью академической науки от государственных заказов. Институциональная зависимость исследователей формирует у них «этос сервильности», ограничивает их интерес техническими вопросами методики или «эпигонским» пересказом западных теорий [Там же]. В такой логике «отсутствие интереса к идеям и исследованиям Левады» объясняется «инерцией научного конформизма», неприятием этического вызова [Гудков 2008].

Не включаясь в дискуссию о стимулах и барьерах, создаваемых социальным контекстом¹, я предлагаю обратиться к другой тра-

1 Частью социального контекста, который затруднял дискуссию вокруг идей Левады, можно считать практику его исследовательской группы и принятые в ней принципы публикации. Из редакционного предисловия к полемическим статьям М. Габовича и Т. Ворожейкиной в «Вестнике общественного мнения» мы узнаем, что «все теоретические и содержательные дискуссии проходили внутри Центра и не выносились на печатные страницы: главной задачей было описание самих изменений [в постсоветском обществе]. К обсуждению методологии в нашем журнале Юрий Александрович Левада относился сдержанно: он, конечно, не отрицал саму идею,

диции объяснения, ведущей отсчет от «Структуры социального действия» Т. Парсонса. Задавая хрестоматийный вопрос «Кто убил Спенсера?», почему перестала быть актуальной спенсеровская теория, Т. Парсонс сразу же замечает, что напрашивается ответ, исходящий из логики социальных изменений: разочарование в идеях эволюции и прогресса, растущая популярность этатизма и антиинтеллектуализма вследствие кризисов и войн первой половины XX века. Отказываясь от такой перспективы, Т. Парсонс делает ставку на анализ внутренней логики социологических теорий [Парсонс 2002: 43–46].

Левада вызывает споры

Вынести за скобки темы, связанные с социальным контекстом, в нашем случае просто: дискуссия вокруг теорий Левады, отсутствие которой надо было объяснять, все-таки началась. Толчком послужила смерть Левады в ноябре 2006 года, вызвавшая ожидаемую волну текстов о его вкладе в социологию. Именно тогда появились обобщающие работы последователей [Гудков 2007; Гудков 2008; Дубин 2007; Дубин 2010], в которых реконструируется общая логика теоретических интересов Левады.

57

В тот же период появились критические тексты [Габович 2008; Ворожейкина 2008; Вахштайн 2009]. Общим знаменателем для всех сторон полемики было признание, что «школа Левады» существует и заслуживает теоретического анализа. За пределами дискуссии оказались последователи Левады, которые подчеркивали скорее этическую, чем научную составляющую его наследия.

Полемические замечания можно свести к следующим основным пунктам.

М. Габович подчеркивает в работах «школы Левады» макросоциологический уклон, в котором «общество почти всегда рассматривается в целом, а его составляющие — элиты, интеллектуалы, государственные институты вроде армии и школы — изучаются... постольку, поскольку они выполняют некоторую функцию в развитии общества в целом»; отсюда невнимание к «реальным микро-социологическим ситуациям» [Габович 2008: 54, 59]. Такой поход, замечает М. Габович, контрастирует с преобладающими в западной социологии «теориями среднего уровня», нацеленными на локальные гипотезы о конкретных социальных явлениях [Там же: 54, 59].

но на данном этапе (когда, как он говорил, “приходится щупать пульс у больного”) не считал методологическое направление главным» [От редакции 2008: 50]

Ценность наследия Левады он видит прежде всего в «конкретных исследованиях», а от «теоретических схем наиболее высокого уровня обобщения» М. Габович предлагает отказаться [Там же: 61].

М. Габович [Там же: 56–57] также отмечает «россиецентричность» школы Левады: попытки вписать Россию в международный контекст делаются «лишь в сносках и кратких отступлениях». Уникальность России доказывается сравнением с обобщенным и идеализированным Западом, который выступает своего рода эталоном для оценки [Там же: 58–60]. В сочетании с методологическим принципом, оспаривающим применимость к России западных социологических концепций, российская уникальность становится «едва ли поддающимся фальсификации символом веры» [Там же: 57].¹

Т. Ворожейкина обсуждает развивающую идеи Левады теорию «разложения тоталитаризма» Л. Гудкова и Б. Дубина, в которой оспаривает постулат об уникальности случая СССР/России: по ее мнению, похожие процессы можно обнаружить в Турции, Китае, странах Латинской Америки [Ворожейкина 2008: 63–64]. «Слепые пятна» слишком герметичной теории, которая не предполагает каких-либо локальных очагов обновления, — другая претензия Т. Ворожейкиной. Недооценивается, в частности, роль протестных движений и гражданских инициатив [Там же: 67–68]. Похожий аргумент выдвигают М. Габович и В. Радаев: выбранная «школой Левады» перспектива «заставляет игнорировать позитивные изменения в отдельно взятых областях, поскольку от них целое не приближается к идеалу» [Габович 2008: 60]; концепция проекта Левады «мешает увидеть важные социальные сдвиги 2000-х годов, оказывающиеся на периферии такой модели или вовсе за ее пределами» [Радаев 2019: 27].

В. Вахштайн [2009] выделяет ключевые аксиомы теоретического стиля «социологов-либералов», имея в виду прежде всего Л. Гудкова и Б. Дубина. Помимо «эмбарго на импорт теоретических конструкций с Запада», которое ранее критиковал М. Габович, в числе основных названы «наивный реализм» с акцентом на «реальных проблемах общества», которые ставит перед исследователями «сама действительность», и характерная для критических теорий «формула парадокса» с преобладающими описаниями типа «это не то, что должно быть» [Вахштайн 2009: 27–32]². Продолжая анализ В. Вахштайна,

- 1 В более раннем обзоре проекта «Советский человек» А. Согомонов также замечает, что авторы проекта, «видимо, не были озабочены проблемой включения отечественной культуры в ткань мировой цивилизации и истории. В результате мы получили теорию единичного факта» [Согомонов 1998].
- 2 Тезис о парадоксе («Х есть то, что он не есть») как одной из моделей самоописания общества наряду с тавтологией («Х есть Х») заимствован у Н. Лумана [Луман 1991]. Тавтологическая логика обнаруживается прежде всего в «пра-

можно предположить логическую связь между этими аксиомами: «парадоксальное» мышление об обществе подчеркивает разрыв между сущим и должным, обозначая тем самым «реальные проблемы»; оно же дает основание для аргумента, что «ненормальная» реальность не подчиняется теориям, разработанным для «нормальных» обществ.

В разговоре о проекте «Советский человек» из всей критики проще всего ответить на замечания М. Габовича о «большом стиле» левадовских работ. Концепция «советского человека» и следующая из нее проблема социальных сдвигов между поколениями представляет собой, по крайней мере по форме, пример локальной теории, нацеленной на эмпирическую проверку¹. Отказ от микросоциологии, ставка на анализ «общества в целом» и на метод массовых опросов сами по себе не лишают места в мировой социологии: обратное доказывает хотя бы проект Р. Инглхарта World Values Survey и многочисленные публикации по его данным.

Измерения «советского человека»

Первый ключ к пониманию концепции «советского человека» дает преэминентность теоретических построений Левады со структурным функционализмом «позднего» Парсонса. Влияние идей и терминологии Парсонса — факт, который сложно обойти в любых реконструкциях логики Левады.

В секторе методологии ИКСИ, где Левада сложился как теоретик-социолог, «главное внимание уделялось изучению доминирующих на тот момент социологических школ структурно-функциональной парадигмы Т. Парсонса..., символического интеракционизма, социальной и культурной антропологии...» [Гудков 2008: 8]. Гудков [2007: 19], разбирая проблематику человека в теоретических работах Левады, отмечает, что «по-настоящему разбираться с этими вопросами Левада начал, только пройдя основательную школу структурно-функционального анализа в социологии».

Проблематику проекта «Советский человек», как и общую канву интересов Левады, он сам и его последователи формулируют в узнаваемых категориях школы Парсонса. «В основе проекта теоретической социологии, очерченного Ю. Левадой... лежала проблематика сложного по структуре — культурно обусловленного, символически

вых» консервативных идеологиях, парадоксальная — в «левых» прогрессивных [Там же: 203–204].

1 В обзорной монографии «Социология в России» под редакцией В. Ядова проект «Советский человек» находит себе место в отраслевых разделах по социологии культуры [Согомонов 1998] и социологии молодежи [Семенова 1998], с которыми повестка проекта пересекается больше всего.

опосредованного — социального действия» [Дубин 2007: 31]; «Реализации этого проекта [«Советский человек»] предшествовала значительная работа Левады по... выработке нового социального подхода к самой проблеме человека как связи различных компонентов общества и культуры (инструментальной, нормативной и символической подсистем)» [Гудков 2007: 19].

Первым шагом, недостаточным, но полезным, может стать сопоставление концептуальной модели «советского человека» в монографии по итогам проекта [Левада и др. 1993] с теоретическими построениями Парсонса конца 1960-х годов. Сопоставление будет лишь приблизительным: и потому что предложенный Левадой набор характеристик представлял собой «эмпирически полученный перечень», а не «аналитически сконструированный набор вариантов, например, категорий социального действия у Т. Парсонса» [Левада и др. 1993: 23]; и из-за того, что Левада к концу 1980-х годов следовал уже своим собственным теоретическим идеям, в которых он видел альтернативу структурному функционализму.

60

Теоретическая глава монографии по проекту предлагает в сжатом виде следующие характеристики «человека советского»: «принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром» [Левада и др. 1993: 23]. Левада сразу же замечает, что каждая из переменных «антиномична» и «как бы содержит собственное отрицание: «“нерушимая граница” и готовность ее перейти; надежда на государственную заботу в паре с лукавым недоверием по отношению к государству; в одно и то же время — признание государственной иерархии и ее отвержение (“эгалитаризм”)» [Там же: 23–24].

Выделенные «антиномичные» категории интерпретируются Левадой как «парная связка демонстративной и латентной функций» [Там же: 24]. Такое определение означает, что «в стабильной ситуации доминируют... демонстративные компоненты: изолированность, государственность, иерархия, имперская символическая квалификация. А в обстановке общественного кризиса латентная компонента... выступает на поверхность и превращается в мощный дестабилизирующий фактор» [Там же].

Мышление в категориях бинарных переменных в целом характерно для стиля Парсонса и его последователей (см., напр.: [Parsons, Bales, Shils 1953]). В этом «антиномичные» категории Левады еще не выбиваются из парсоновской схемы. Оригинальным шагом выглядит только создание модели категорий действия для отдельно взятого советского общества, в отличие от универсальной теории обществ, разрабатываемой Парсонсом [Парсонс 2002b [1966]; Парсонс 1998 [1971]].

Сравнение категорий позднего Парсонса с «антиномиями» Левады из монографии проекта обнаруживает, что примерный «пе-

ревод» модели «советского человека» 1993 года в универсалистские категории AGIL-схемы Парсонса по крайней мере возможен. Нужно лишь, чтобы не было принципиальных возражений против такого приравнивания (у группы Левады они есть, их доводы еще придется обсуждать). Реконструировать модель 1993 года в категориях Парсонса можно примерно таким образом (табл. 1).

Предлагаемая реконструкция отходит от данного Левадой набора характеристик в двух пунктах. Переменная, противопоставляющая аскриптивные и достижительные стратегии («колхоз» и «шарашка», «туфта» и «сдельщина»), добавлена из главы «Коллектив и личность» [Левада и др. 1993: 66–73], где эта часть концепции, лишь эскизно намеченная в первой теоретической главе, разработана подробно¹. Переменную «имперское vs национальное» можно считать ценностным выбором второго порядка (приоритетный выбор этой переменной понятен для исследования 1989 года в масштабе не России, а всего СССР).

Таблица 1. Характеристики «советского человека»
[Левада и др. 1993] в координатах AGIL Парсонса

Table 1. Variables of “Soviet Man” [Levada et al. 1993]
in the framework of Parsons’s AGIL

61

Функция, подсистема (Парсонс)	Структурные компоненты (Парсонс)	«Антиномии» (Левада)
Воспроизводство образца (L), культура	Ценности	Партикуляризм (СССР) — универсализм (Запад)
Интеграция (I), социетальное сообщество	Нормы	Иерархия — равенство
Целедостижение (G), политика	Коллективы	Лояльность («колхоз») — достижение («шарашка»)
Адаптация (A), экономика	Роли	Ориентация на государство — приватная жизнь

¹ По свидетельству Льва Дмитриевича Гудкова [личное письмо от 16 июля 2016], основными авторами главы «Коллектив и личность» были он и Б. Дубин. При написании книги, по его словам, «акцент делался на том, что это принципиально коллективная работа», все главы обсуждались на общем семинаре и затем правились руководителем проекта Ю. Левадой.

Более строгая реконструкция может быть сделана в собственных аналитических категориях Левады. Важные для нашей темы работы Левады делятся в первом приближении на теоретические тексты 1970–1980-х годов и более поздние публикации, связанные с данными опросов. В интересующем нас сюжете между ними обнаруживается заметная преемственность.

В статье «О построении модели репродуктивной системы» [Левада 1993 (1979)] Левада «аналитически противопоставляет *инструментальную* “программу опыта”, направленную на достижение цели и оптимизацию средств такого достижения..., и *ценностно-нормативную* “программу культуры, ориентированную на поддержание структуры и образца действия как смыслового целого” [Дубин 2010: 105]. В несколько более поздней статье «Игровые структуры в системах социального действия» [Левада 1993 (1984)] Левада с помощью понятия игровой структуры связывает разные плоскости анализа — *символическую* (область культурных представлений, ценностей и мифов) с *нормативной* (институциональными или групповыми предписаниями, моральными представлениями о должном и допустимом) и *практическими мотивами* повседневного поведения (семейного, группового, политического, экономического)» [Гудков 2008: 28].

Заявленный набор измерений — символическое (ценностное), нормативное и прагматическое (инструментальное) — переносится затем на анализ опросных данных. Согласно Л. Гудкову, «Левада методологически выделяет три плоскости анализа (интерпретаций) материалов опросов: 1) *Символический план* или уровень значений социального поведения...; 2) *Нормативный план* — здесь наиболее важны работы Левады по фиксации партикуляризма этических правил и предписаний...; 3) *Прагматический* (или инструментальный) *план* — охватывает данные различного рода, касающиеся массовых свидетельств людей о своем собственном поведении или поведении других (потреблении, доходах, самочувствии, эмоциональном состоянии, мобильности (...) и т. д.)» [Там же: 26–28].

Статья «Координаты человека» [Левада 2011 (2001)] предлагает три оси «человеческих координат»: идентификация («кто мы такие?»), ориентация («куда мы идем?»), адаптация («к чему мы можем приспособиться?»); там же выделяется еще одна важная переменная «символические аспекты человеческого действия» [Там же: 276, 297]. По сравнению с предшествующими категориями здесь не упоминается нормативное измерение и более детально представлено прагматическое (инструментальное), но преемственность общей логики сохраняется.

Из большого ряда эмпирических текстов, опубликованных в связи с проектом «Советский человек», можно примерно восстановить

«перевод» теоретических категорий в темы и формулировки опросной анкеты. Прагматический уровень замеряется вопросами о карьерных притязаниях¹ и типах адаптации². Нормативный уровень связан с вопросами о нормах, которые люди считают допустимым нарушить, и о поступках «против совести»³. Символический уровень представляют «большие» вопросы о выборе «модели развития» или «исторического пути».

Ключевая для модели «советского человека» 1993 года переменная «ориентации на государство» замерялась вопросами о ролевой идентичности⁴, ответственности за государство⁵ и требованиях

- 1 Вопрос 1989 года: «Какое вознаграждение за свою работу вы бы предпочли, если бы могли выбирать?»; варианты ответа: «Иметь пусть небольшую работу, но больше свободного времени, более легкую работу», «Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне»; «Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск»; «Затрудняюсь ответить» [Левада 1993 и др.: 277].
- 2 Вопрос 1994 года: «В сложное переходное время люди по-разному устроят свою жизнь. А что вы сами делаете в этом отношении?»; варианты ответа: «Не могу приспособиться к нынешним переменам», «Живу как жил раньше, для меня ничего особенного не изменилось», «Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь», «Удастся использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни», «Затрудняюсь ответить» [Левада 2011 (1999а): 114]
- 3 Вопрос 1999 года: «Насколько допустимо, по-вашему...?»; подвопросы: «...уклоняться от службы в армии», «...не платить налоги», «...выносить» что-либо с предприятия», «...ездить в транспорте без билета», «...не возвращать долги», «...скрывать часть доходов, чтобы не платить налоги», «...скрыть от государства найденный клад», «...покупать вещи и продукты, “вынесенные” с предприятия», «...покупать “левую” продукцию», «...не заплатить за покупку в магазине» [Левада 2011 (2000а): 203–205, 209].
- 4 Вопрос: «Что из перечисленного прибавляем вам уважения к себе, кем вы осознаете себя с гордостью?»; варианты ответа: «Отцом (матерью) своих детей», «Сыном (дочерью) своих родителей», «Хозяином в своем доме», «Жителем своего города, села, района», «Сыном (дочерью) своего народа», «Специалистом в своем деле», «Верующим человеком», «Членом своего кружка, компании», «Работником своего предприятия, учреждения», «Человеком своего поколения», «Человеком, занимающим видное положение», «Представителем рода человеческого» и другие [Левада и др. 1993: 281].
- 5 Вопрос 1989 года: «Как вы считаете, несет ли человек моральную ответственность»; подвопросы: «За действия своего правительства», «За работу своего предприятия», «За действия лиц своей национальности», «За происходящие в стране события», «За действия своих близких родственников», «За поступки своих предков» [Левада и др. 1993: 281].

к нему¹. Переменная «иерархии и равенства» описывалась вопросами о зависти к более успешным людям и социальным группам.

Многомерный характер модели «советского человека» частично отвечает на вопрос, почему публикации проекта не называют сколько-нибудь конкретную долю «советских людей»². В монографии 1993 года Левада замечает, что «доминирование определенного типа не обязательно означает количественное, статистическое преобладание... доминирующее значение могут иметь оценки, разделяемые, например 30–40% населения, если эти оценки... определяют стандарт социального поведения» [Левада и др. 1993: 7]. Дальше ни в результатах проекта 1989–1993 годов, ни в аналитике по следующим волнам доля «советского типа» прямо не называется³.

Ответ, следующий из описанной выше структуры модели, мог бы состоять в том, что тип «советского человека» разбивается на несколько разных переменных («осей»), причем для проекта важны значения по отдельным «осям» (в том числе по отдельным социально-демографическим группам), а не интегральная оценка⁴. Действительно, в текстах группы Левады значимое место занимают

- 1 Вопрос 1989 года: «С каким из суждений об отношениях между государством и его гражданами вы бы согласились?»; варианты ответа: «Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще что-то», «Государство дает нам немало, но можно требовать и большего», «Государство дает нам так мало, что мы ему ничем не обязаны», «Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы», «Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить своим интересам», «Затрудняюсь ответить» [Левада и др. 1993: 279].
- 2 Ср.: «В отличие от исследований авторитарной личности, доля “homo soveticus” среди населения не устанавливается эмпирически: общество заведомо объявляется складывающимся на основе данного типа» [Габович 2008: 55].
- 3 В приложении к первой монографии выделены и сравниваются две полярных по своим взглядам группы, одну из которых образовали ответившие «горжусь тем, что я советский человек» (24% выборки), а вторую — респонденты с положительным отношением к инициативным людям, новым миллионерам и свободному выезду за границу (33% выборки) [Левада 1993 и др.: 272–276]. Такую величину (24%) можно считать, с большими оговорками, оценкой доли советских людей в опросе 1989 года, но отсюда не проясняется вопрос, как оценить долю «советского человека» в следующих волнах исследования.
- 4 Ср.: «“Советский человек” — синтетическая конструкция, предназначенная для интерпретации наборов различных социальных характеристик (стандартов идентичности, комплексов, стратегий действия...), распределение которых в разных социальных группах и средах может (и должно) существенно отличаться» [Гудков 2009: 15].

аргументы, подчеркивающие расхождение показателей по разным осям модели. Как пример: «Замена одних символов другими не меняет структуры общества и характер идентификации людей, их ценностных ориентаций, установления внутренних и внешних барьеров... Пути трансформации прагматических и символических компонентов расходились...» [Гудков 2008: 33–34].

Такой ответ, впрочем, не решает проблему. Индексная оценка «советского человека» по трем-четырем ключевым измерениям тоже устроила бы пользователей, но и такие результаты в явном виде не публикуются. Иногда индикаторы «советскости» понятны: например, в прагматическом (инструментальном) измерении «советским» считается выбор ответов, не связанных с риском и/или новыми возможностями. С другими составляющими ясности нет. В результате проект, заявлявший себя близким по замыслу к образцовым исследованиям Т. Адорно [Адорно и др. 2001 (1950)], Г. Алмонда и С. Вербы [Алмонд, Верба 2014 (1963)], отличается от них в одном существенном пункте. Как измерить авторитарный характер или подданическую культуру, мы знаем, по каким шкалам измерять «советскость» — скорее нет.

65

Проверка «исчезающего типа»: не получается

Критерии эмпирической проверки в нашем случае важны прежде всего для того, чтобы понять, на каком основании была отброшена изначальная гипотеза об «исчезающем типе»¹.

В начале проекта группа Левады исходила из предположения, что уже в конце 1980-х годов «современному исследователю приходится иметь дело с социокультурным типом *Homo soveticus* в условиях его очевидной деградации» [Левада и др. 1993: 13]. Концептуальными основаниями такой гипотезы служили, во-первых, структурно-функционалистская логика: поведенческие образцы задаются «функциональными центрами общества, которые перестают быть советскими»; во-вторых, более важная для аргументации Левады идея сбоев в передаче «советского» образца от поколения к поколению.

Структурно-функционалистский аргумент предполагал, что отношение к «советскому» образцу в группах, относящихся к «функциональным центрам общества», которые перестают быть «советскими» (образованные горожане), играет ключевую роль для динамики образца в масштабах всего общества. Результаты опроса

1 Важность вопроса об «исчезающем типе» подчеркивала одна из первых журнальных публикаций по проекту с заголовком «Уходящая натура?» [Левада 2016 (1992)].

1989 года подтверждали, что «совокупность нормативных характеристик, объединенных в директивном образе “советского человека”..., сдвигается к социальной (в данном случае возрастной, но и образовательной, сельской и т. п.) периферии» [Левада и др. 1993: 262]. Тем самым обосновывался вывод, что «совокупность ядерных... значений, персонифицированная в образе “человека советского”, распадается и уходит из функциональных центров общества, из групп..., способных задавать обществу поведенческие образцы» [Там же: 263]¹.

Другой акцент Левада делал на неустойчивости советской модели в масштабах поколений: «Человек советский... явился продуктом и фокусом неустойчивой социально-политической системы, которая не была способна к самовоспроизводству со сменой поколений» [Там же: 6]. Концептуальная статья 1989 года также подчеркивает неустойчивость советского образца в динамике: «Рано или поздно — а жребий его измерен, должно быть, несколькими десятилетиями — этот механизм социального “антропогенеза” обнаруживают свою неэффективность. Сформировавшийся в уникальных условиях человеческий материал неизбежно теряет свою “прочность”... Можно полагать, что в самой конструкции, в самом проекте того нового человека, который формируется нашей историей... были заложены временные ограничения» [Левада, Ноткина 1989: 16-17, 23]².

По идее Левады, которой он придерживался до конца жизни, «советская история знала лишь одно поколение “вполне советских” людей... это в основном поколение (когорты) вступивших в активную социальную жизнь в начале 30-х и занимавших ключевые позиции до середины или конца 50-х» [Левада 1993: 28]; все последующие поколения так или иначе видоизменяли исходный жесткий образец³.

1 В поздних публикациях, где «советский человек» был уже устойчиво воспроизводящимся, структурно-функционалистская логика немного изменилась: в качестве группы, задающей образец, стали приниматься «элиты», прежде всего политические [Дубин 2007: 37-38; 2010: 107].

2 Тезис о разрушении образца при передаче и структурно-функциональная логика в аргументации Левады дополняли друг друга: «...разрушение... стандарта нормативно заданного “советского человека”, — начавшееся в верхних слоях пирамиды власти, распространилось на поддерживающие структуры (из опоры режима интеллигенция превратилась в носителя вестернизированного образца» [Левада и др. 1993: 29], после чего «массовый человек» советского общества также утрачивает стимулы следовать «советскому» образцу [Там же].

3 В поздней статье о динамике поколений [Левада 2005 (2001)] общая логика аргументации сохраняется, к ней лишь добавились объяснения, почему «поколение прагматиков» 1975-1980 годов рождения активно поддержало авторитарные тенденции начала 2000-х годов.

Общая схема проекта «Советский человек» с волнами опросов раз в пять лет должна была отслеживать изменение установок (ценностных, нормативных, поведенческих) в масштабе, сопоставимом с динамикой поколенческих сдвигов.

Опубликованные в 1994–1995-х годах результаты второй волны опроса подтверждали продолжающийся отход от «советской» модели в таких значимых для монографии 1993 года измерениях, как идентификация с государством, отношение к Западу и демократическим институтам, индивидуализм [Левада 2011 (1995); Левада 2011 (1996)]. Установки этого периода Левада прямо характеризует как позицию «разгосударственного» человека [Левада 2011 (1995): 64–66].

Соображения в пользу устойчивости «советского человека», которые появляются уже в публикациях второй волны проекта, оказываются скорее теоретическими, чем следующими из эмпирических данных¹. Прежде всего выясняется, что значительная часть переменных, выделенных в концептуальной модели 1993 года, при любом варианте ответа может быть понята как свидетельство устойчивости советского образца. Так, к примеру, выявленные в опросах сильные предпочтения в пользу приватной жизни интерпретируются, во-первых, как следствие «постоянного государственного давления» и, следовательно, тоже поведение советского типа [Левада и др. 1993: 41–42], во-вторых, как выбор в пользу «примитивных» персонифицированных отношений, типичных для «традиционализма» незападных обществ [Гудков 2008: 25–26]. «Публичные» варианты выбора, включая открытое недовольство, тем более интерпретируются как признак советской «государственно-патерналистской» ориентации [Левада и др. 1993: 15–17, 34–35; Гудков 2008: 32]. Выбор равенства или иерархии, признание успехов «Запада» и его «завистливое» отвержение — любой вариант окажется в пределах «советских» антиномий.

Куда ни кинь — всюду клин. Предложенная в монографии 1993 года «антиномичная» модель ориентаций на следующем шаге привела к логическому тупику, когда любые варианты выбора, даже взаимоисключающие, все равно оказываются признаком «советского человека».

1 В качестве эмпирического доказательства устойчивости «советской» ориентации Левада и коллеги регулярно приводят данные о доле респондентов, выбирающих «небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне»: в опросе 1989 года она составляла 45%, в 1994 году — 54%, в 1999 году — 60%, в 2003 году — 54% [Левада 2011 (2004): 415–416]. В сравнении с общим набором параметров, предложенных в модели 1993 года, прямых эмпирических подтверждений такого рода обнаруживается немного.

«Уходящий» стал «приспособленным»

Главная интрига, которую мы находим в проекте «Советский человек», состоит в существенном изменении исследовательского фокуса к началу 2000-х годов. По формулировке Л. Гудкова, «направленность нашей работы в Левада-центре, равно как и методология анализа полученных результатов, постепенно, но все более заметно смещалась с изучения источников и факторов изменений на механизмы их блокировки, консервации, реставрации прежних форм организации общества и конституции человека» [Гудков 2011: 6].

Концептуальный поворот связан со смещением интереса к таким характеристикам «советского человека», как его «приспособленность», «лукавство» и «двоемыслие». В ранних публикациях 1989–1993-х годов они тоже присутствовали, но, как мы видели, не входили в «ядро» главных характеристик. Переломными выглядят тексты Левады 1999–2000 годов, когда триада «приспособленный, лукавый, ограниченный» выходит на первый план [Левада 2000; Левада 2011 (1999b); Левада 2011 (2000a); Левада 2011 (2000b)]. Более поздние версии общей характеристики, например, предложенный Л. Гудковым набор «циничный, двуличный, апатичный» [Циничный, двуличный, апатичный 2019], выглядят как вариации схемы, заложенной в публикациях конца 1990-х годов.

Пересмотр концепции происходит не столько под влиянием каких-либо новых тенденций в опросных данных, сколько посредством сдвигов в их интерпретации. Показательно представление данных об отношении к государству — это, напомним, ключевая характеристика «советского человека» в модели 1993 года. Обзор второй волны «Человек советский пять лет спустя: 1989–1994» в разделе «Разгосударствленный человек» фиксирует тенденцию «к дальнейшему разгосударствлению и так называемой “приватизации” человека» [Левада 2011 (1995): 64]; «все параметры *государственной* идентификации теряют значение, зато набирают вес *традиционные* (история, земля, обычаи и др.) [Там же: 66; курсив авторский]. В третьей волне обзор с аналогичным названием «Человек советский десять лет спустя: 1989–1999» заголовок раздела уже с вопросом: «Человек “разгосударствленный”?» [Левада 2011 (1999): 115]. Данные третьей волны показывают еще большее «разгосударствление»: «Укрепились — притом значительно — две позиции: “ничем не обязаны государству” и “стать свободными людьми...”» [Там же: 116] — последний вариант, как мы помним, служил индикатором новой «несоветской» ориентации. На этот раз, однако, мы узнаем, что все это неважно: «Представление о том, что граждане “ничем не обязаны государству”, реально служит оправданием широко распространенного *лукавства* по отношению к государственным институтам... Отторжение

от обязанностей по отношению к государству не означает поэтому освобождение человека от государственной зависимости. Последняя лишь приобретает в общественном мнении обоюдно-лукавый характер» [Там же: 116–117; курсив авторский].

Авторы проекта «Советский человек» склонны объяснять произошедший поворот влиянием социального и политического контекста, который заставил их пересмотреть свои взгляды¹. Разумеется, публикации в рамках проекта реагировали на актуальные политические события и свежие эмпирические данные, но это не значит, что влияние внешней среды на концепцию было определяющим. Другие исследователи в аналогичных ситуациях находили что-то совсем иное². В выбранном нами ключе «внутренней логики теорий» более значимым будет другое: проблемы и решения, которыми руководствовался Левада в более ранних теоретических работах 1970–1980-х годов.

Антропологический тип

Следующее возможное объяснение, почему «советский человек» так и не превратился в модель со строго заданным набором измеряемых параметров, состоит в том, что на определение исследовательской задачи проекта повлияла веберовская «понимающая социология» в том виде, в котором ее усвоил круг Левады в 1970-е годы. В таком ключе исследователей могут больше интересовать логика смысловых связей, которые образуют реконструируемый тип «советского человека», а не его количественные параметры³. О таком интересе

69

- 1 Например: «Значимость этой проблематики [антропологического типа] только возрастала с течением времени, поскольку после первых лет реформ в России все сильнее и сильнее проступали консервативные или реставрационные тенденции. Причем, как показали результаты социологических исследований, одним из важнейших обстоятельств, блокирующих возможности изменений..., являлся сам тип человека» [Гудков 2007: 22]
- 2 Примером радикально другой проблематизации «человеческого типа» в ранний постсоветский период служит исследование О. Хархордина [2002]. В нем исходной точкой стало, наоборот, удивление, откуда в России начала 1990-х годов так много молодых людей с ценностями личной свободы и самостоятельности: «Появление большого числа индивидуалистов озадачивало, так как Россия еще недавно считалась предельно коллективистской страной» [Хархордин 2002: 5]. Решение О. Хархордин ищет в фоновых повседневных практиках советского периода, которые, как он доказывает, привели к становлению «этики самостоятельности». Упомянувшееся выше исследование «миллениалов» В. Радаевым [Радаев 2019] — еще один пример интерпретации, резко расходящейся с логикой проекта Левады.
- 3 Ср., напр.: «Сущность теоретической проблемы “советского человека” (постсоветского человека) заключается в том, чтобы выявить логические и содержа-

исследователей говорит, в частности, описание постановки задачи в монографии проекта: «характеризующие признаки [“советского человека”] должны обладать определенной консистентностью, устойчивой взаимной сопряженностью» [Левада и др. 1993: 12]¹.

Оценивая «советского человека» как логическую конструкцию, мы должны исходить прежде всего из развиваемой Левадой и коллегами идеи «антропологического типа». Антропологический тип представляет собой продукт обстоятельств, в которых он создается. «Каждая из известных в истории устойчивых цивилизаций формировала свой... антропологический тип — характерный набор установок и ценностных ориентаций, когнитивных и поведенческих рамок человека как носителя, субстрата определенной системы социальных институтов» [Левада и др. 1993: 6]. Как следствие, изучение антропологического типа становится для Левады ключом к пониманию общества в целом. «Нельзя понять общество, не представив себе его социально-антропологическую основу — специфическое распределение личностных характеристик, доминирующих в данной общественной системе» [Там же: 5] — с такого заявления начинается монография, представляющая первые результаты проекта.

Концепцию «конкретно-исторического характера» и связанную с ней необходимость «сконцентрировать внимание на “мире человека”, то есть на системе общественных отношений», Левада отстаивает в тексте 1983 года об экономической антропологии Маркса [Левада 1993 (1983): 71–72, 86]². В монографии проекта Левада, задавая вопрос об «условиях и рамках существования (или несуществования) “человека советского” как носителя определенных социальных характеристик» [Левада и др. 1993: 11–12], называет такую постановку задачи близкой к неомарксистской идее «социального характера» Э. Фромма [Там же]. Во фроммовском определении «социального характера» Левада выделяет «взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социоэкономической структуры», в которой

70

тельные взаимосвязи распадающейся или меняющейся институциональной системы тоталитарного общества-государства и соответствующего ей антропологического типа» [Гудков 2009: 14] (курсив мой. — А.Т.).

- 1 Ср. также: «“Простой советский человек” понимается Левадой как идеально-типическая конструкция человека... По мысли Левады, этот тип человека должен находиться в ряду таких моделей, как “человек играющий”, “человек экономический”, “авторитарная личность”» [Гудков 2007: 22]
- 2 Роль «общественного человека» по Марксу в понимании общества Левада впервые (из опубликованных текстов) обосновывает в лекционном курсе по социологии в 1967 году [Левада 2011 (1969): 44]. Poleмические тексты 1980-х годов против «экономического рационализма» доказывают, что для Левады это был важный тезис, а не просто дань официальной идеологии.

«социоэкономическая структура общества формирует социальный характер таким образом, что им хочется делать то, что они должны делать» [Там же].¹

Объяснения, как именно формируется антропологический тип, в монографии по проекту выдержаны в терминах школы Парсонса: нормативный образец плюс механизмы социального контроля, которые его поддерживают: «...наиболее важное условие [доминирующего типа человека] — функция социокультурного стандарта (образца, паттерна), который подкреплён соответствующим механизмом социального контроля, позитивных и негативных санкций» [Левада и др. 1993: 12].

Институциональные «условия и рамки», из которых выводились характеристики «советского человека» в ранних публикациях [Левада, Ноткина 1989; Левада и др. 1993], сохраняют объяснительную силу и в более поздних заявлениях: «институциональные рамки “советского человека” сохраняют по инерции свою значимость» [Гудков 2008: 32]. Совместить идею разрушения («обвала») «тоталитарной системы» с тезисом об «инерции институтов» оказывается возможным благодаря аргументу, что «распад системы институтов не должен отождествляться с крахом самих институтов: значительная часть базовых институтов сохранилась... А это значит, что воспроизводятся основные условия существования человека» [Гудков 2008: 31]².

71

- 1 Источники, повлиявшие на концепцию антропологического типа «советского человека», не ограничиваются Марксом и неомарксизмом. В социологии 1960-х годов проблематизация характеристик личности в социальном контексте была, скорее, общим местом. Габович [2008] отмечает параллель между исследованием «советского человека» группой Левады и проблематикой «Гарвардского проекта» А. Инкельса и Р. Бауэра [Inkeles, Bauer 1959]. Гудков в качестве релевантных образцов исследования называет также «Исследование авторитарной личности» Т. Адорно, «Гражданскую культуру» Г. Алмонда и С. Вербы, а также работы американских социологов 1920–1930-х годов [Гудков 2007: 21]. Источником знаний о существующих разработках могла быть, в частности, глава А. Инкельса о соотношении личности и социальной структуры в переведенной «для научных библиотек» обзорной монографии «Американская социология» под редакцией Т. Парсонса [Инкельс 1972 (1968)]. Отдельный сюжет представляют внеаучные истоки концепции, в частности, влияние сатирической прозы Александра Зиновьева («Зияющие высоты», «Гомо советикус» и др.). По воспоминаниям Левады: «...я у него [Зиновьева] в это время бывал, и книжку его читал, с ним разговаривал на всякие темы, не спорил, но любопытствовал. Он мне любопытен был тогда» [Левада 2008: 163].
- 2 Ср. также: «Конечно, сегодня уже нельзя говорить о целостной системе тоталитарных институтов. Как таковая она распалась, часть из них (ЦК КПСС, Госплан и другие) прекратила свое существование, но другие (ФСБ, армия,

Наряду с макросоциологической составляющей со временем все более значимым становился акцент на деятельном вкладе «советского человека» в поддержание существующих институтов. В поздних работах Левада и коллеги подчеркивали, что «ресурсом частичного восстановления, репродукции, “повторения” прежней системы в новых рамках... стала сформировавшаяся за советский период конструкция массового человека» [Дубин 2010: 107]¹. Сочетание устойчивости антропологического типа с распадом системы институтов, в котором он формировался, стало первоочередной исследовательской проблемой (puzzle), «заставило сосредоточиваться на исследовании механизмов репродукции этого человеческого типа при очевидной невоспроизводимости репрессивно-тоталитарного порядка, который сформировал данную социально-антропологическую модель» [Дубин 2007: 37–38]².

Идея, что человек, сформировавшийся в определенных условиях, затем своими силами поддерживает (или меняет) существующий порядок, точно так же присутствует, в частности, во фроммовской концепции «социального характера». Левада в монографии проекта цитирует тезис Э. Фромма: «Социальный характер оказывает влияние на socioэкономическую структуру общества, действуя при этом либо как цемент, придающий ей еще большую стабильность, либо, при определенных обстоятельствах, как динамит, готовый взорвать ее» [Левада и др. 1993: 12]. Тем не менее, при всем сходстве интуиции «приспособленного советского человека» с идеями Фромма или других социологов, для нашей темы важнее подчеркнуть собственную логику интересов Левады, которая привела его к такому решению независимо от других авторов³.

72

МВД, суд, школа), частично изменившись, продолжают функционировать» [Гудков 2007: 22].

- 1 Ср: «Одним из важнейших обстоятельств, блокирующих возможности изменений..., являлся сам тип человека, сложившегося одновременно с формированием советской тоталитарной системы и выступающего в качестве... условия консервации и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов» [Гудков 2007: 22].
- 2 Ср. также: «Одной из важнейших проблем оказывается неясность того, (...) каким образом в ситуациях разложения отдельных институциональных структур осуществляется воспроизводство этого типа человека» [Гудков 2009: 8].
- 3 Сходным образом Г. Алмонд и С. Верба обращают внимание на то, как установки политической культуры соотносятся со структурными характеристиками политического режима. Гармонизированность (конгруэнтность) между политической культурой и политическими институтами служит условием массовой лояльности, а их рассогласование делает политический режим неустойчивым [Алмонд, Верба 2014 (1963): 38–41]. В социологических текстах

От структуры к игре

Коллеги Левады убеждены, что критически важную роль в появлении проекта «Советский человек», как и всей исследовательской программы «школы Левады», сыграли более ранние теоретические интересы основателя группы: «теоретические работы 1970–1984 гг. сделали возможной последующую эмпирическую исследовательскую деятельность» [Гудков 2008b: 19]. На мой взгляд, читатели и критики эмпирических публикаций Левады действительно недооценивают влияние его теоретических идей 1970-х — первой половины 1980-х годов на стиль и направление последующих работ.

Два главных продолжателя левадовской традиции Л. Гудков и Б. Дубин примерно сходным образом реконструируют логику исследовательских интересов Левады. Оба подчеркивают, что для Левады в теоретических работах сквозным мотивом было утверждение сложности и многообразия социальной реальности в споре с «рациональными упрощениями».

Таким было, в частности, отношение Левады к «позднему» Парсонсу: «чрезвычайно высоко оценивая вклад Парсонса в общесоциологическую теорию, Левада вместе с тем довольно критически относился к тому, что он называл в частных разговорах его “рационалистическими упрощениями”: (...) конструирование социальных систем... из очень ограниченного набора типов действия» [Гудков 2008b: 13]. По такой же логике «главными мысленными оппонентами Левады... выступают марксизм..., структурализм в его трактовке культуры как системы, бихевиоризм» [Дубин 2010: 103], по тем же причинам становится важной «критика рациональности экономического человека» [Гудков 2008b: 14].

Ранние структурно-функционалистские работы по урбанизации [Левада, Долгий, Левинсон 2016 (1974); Левада, Долгий, Левинсон 2016 (1976)] приводят Леваду к новым вопросам, которые определяют его интересы на десятилетия вперед¹. Главными из них, если следовать реконструкциям Л. Гудкова и Б. Дубина, стали воспроизводство социальной системы и возможности автономного действия индивида. Оба сюжета в свою очередь должны были дать ответ на более общую проблему изменений в советском обществе².

1990-х — 2000-х годов ключевая для «позднего Левады» интуиция была бы выражена, с большой вероятностью, в логике теории габитуса П. Бурдьё.

- 1 Как поясняет Л. Гудков, «урбанизация в данном случае была взята... как повод представить общую структурно-функциональную модель... сложного общества» [Гудков 2008b: 11].
- 2 Ср.: «Таким образом, можно говорить о хронологической и собственно теоретической логике развития исследовательских интересов Левады на про-

В логике структурно-функционального анализа Левада обнаружил возможность перемен, с одной стороны, в неизбежных сбоях в «репродуктивной системе» общества [Левада 2011 (1979)]: «...подавление импульсов к оптимизации социальной системы... ведет, в конечном счете, и к сбою ее воспроизводства» [Дубин 2007: 33]¹; с другой — в возрастающей автономии индивидов: «Поведение индивида в этой системе [урбанизации] было обусловлено всевозрастающей автономией выбора, трансформацией нормативных правил, усилением значимости символических (ценностных) ориентиров» [Гудков 2007: 19].

Интерес к «гетерогенности человека как потенциального источника изменений» [Гудков 2008: 5–6] приводит Леваду к гибкой модели «человека, способного на сочетание, осмысленной связи разных значений (по принципу “метафоры”, шарнира, сочленения разных систем), (...) способных ориентироваться и учитывать в своем поведении точки зрения, нормы и интересы разных действующих лиц и институтов» [Гудков 2007: 18]. Такая интуиция была выражена Левадой в концепции «игровых структур» социального действия [Левада 2011 (1984)]. Левада понимает «игру» в широком смысле как действие, в котором «актор сам связывает разные плоскости значений... в единую структуру действия» [Гудков 2008: 16]; структура игры видится как «субъективная (акторская) проекция культурных значений на плоскость социального действия», которая позволяет

74

тяжении десятилетий его теоретической работы. Обобщенно и условно я бы представил ее так: от морфологии советского и российского общества... он переходил к условиям и механизмам его воспроизводства (“репродуктивная система”), границам действия этих механизмов (“игра, церемониал”), а далее — к феноменам кратковременного перелома (“аваланша”) ... и ресурсам частичного, адаптивного восстановления прежнего социально-политического порядка (“советский человек”, “эрац-элита”)» [Дубин 2010: 109].

- 1 По свидетельству Л. Гудкова, вывод Левады о неизбежных сбоях системы в статье об урбанизации был выражен в тезисе: «В современных условиях “поддержание образца” предполагает сохранение приоритета целеполагания, а это последнее служит необходимой предпосылкой самосохранения общества...» [Левада, Долгий, Левинсон 2016 (1974)]. В предлагаемом Л. Гудковым «перевode с языка структурно-функциональной парадигмы» это означает, что «общество с подавленной или деградированной политической системой (системой целеполагания) не имеет перспектив, что тоталитарный... режим может сохраняться все с большим трудом, становясь все более архаичным» [Гудков 2008: 12]. Такого рода «переводы» на актуальную проблематику, понятные близкому кругу Левады, для других по крайней мере не очевидны. Это, похоже, одна из причин, почему ранние работы Левады, в отличие от текстов «эмпирического» периода, в последние годы почти не обсуждались «внешними» критиками за пределами круга коллег.

действующему и его партнерам “самостоятельно” структурировать ситуацию и свое поведение» [Там же].

В концепции «игровой структуры» Левада видел выход из жестких ограничений структурного функционализма: «Концепция игры была выходом из того тупика, в который, казалось, попал структурный функционализм, критикуемый за недоучет конфликтного потенциала, возможностей развития общества, посылку тождества индивида и социальной системы» [Гудков 2008: 16]. Левада в интервью конца 1980-х годов определял статью об игровых структурах как «лучшее из того, что я напечатал всерьез», «наиболее серьезное в смысле теоретическом» [Левада 2008].

В разработках Левады 1970-х — середины 1980-х годов соединились, дополняя друг друга, два недовольства: теоретическим инструментарием, который предложил структурный функционализм, и положением дел в обществе. «То, что дало толчок для критики структурного функционализма в конце 1960–1970-х годах (одномерность социальной системы, трактовка ее как бесконфликтной или лишенной источников развития), было вполне очевидным для исследователя тоталитарного общества, в котором центральные институты власти, управления, устрашения впервые начали “давать сбой”» [Гудков 2008: 5]. В итоге теоретический путь, который проделал Левада, парадоксальным образом повторяет «с точностью до наоборот» траекторию Парсонса. От структурно-функциональной теории Парсонса 1960-х годов, пришедшей в Советский Союз как последнее слово западной социологии, Левада своими силами пробирался к проблематике молодого Парсонса 1930-х годов: теории волюнтаристского действия, которое не сводится ни к внешним обстоятельствам, ни к господствующим нормам и ценностям, и оставляет действующему возможность самостоятельного выбора целей и средств [Парсонс 2002 (1937)].

Проект «Советский человек» соединил в себе все главные линии теоретических интересов Левады в предшествующий период. Полемический настрой против «рационалистических упрощений» проявился в том, что сомнение в возможностях советского режима создать «нового человека» было связано, в теоретическом плане, с пересмотром «просвещенческой конструкции человека как обусловленной воздействием среды..., критической оценкой возможности инструментального воздействия на “природу” человека (а соответственно и новой точкой зрения на сформировавшегося “советского человека”...)» [Гудков 2008: 18]. Интерес к передаче и воспроизводству культурных образцов определил исследовательский вопрос об изменении нормативного образца «советского человека» при передаче между поколениями: «В долгосрочной перспективе следует учитывать более сложные последствия его принятия, отвержения

или трансформации отдельных составляющих» [Там же: 23]. Проект должен был проверить предположение, что «человек советский был продуктом... неустойчивой системы, которая не была способна к самовоспроизводству со сменой поколений» [Левада 1993: 6].

Акцент на творческих возможностях человеческого действия побуждает Леваду обращать внимание на гибкие механизмы саботажа требований режима, на создаваемые людьми пространства неподконтрольной жизни: «...жесткость социального устройства... буквально через одно поколение влечет за собой... формирование компенсаторных механизмов всеобщей коррупции, “черного рынка”, “второй культуры” и т.п.» [Дубин 2010: 105]¹. В последней части интерес Левады напоминает разработанную Дж. Скоттом тему повседневного сопротивления [Scott 1985] или популярную в Soviet studies 2010-х годов идею А. Юрчака [2014] о «зонах вневходимости».

От игры к «лукавой игре»

76

Концепция «игры» в статье 1984 года и описание «игр» в текстах, посвященных «советскому» и «постсоветскому» поведению, связаны общностью темы и при этом резко отличаются своей тональностью.

В монографии 1993 года «игры» советских граждан с системой описываются как набор взаимных «сделок»: «...у человека... нет возможности для элементарного самосохранения без явной или подразумеваемой сделки с всемогущим партнером... Но и “всемогущая” власть не может существовать без постоянных сделок с множеством “простых” людей, без признания их права на самосохранение» [Левада и др. 1993: 31]².

Эту модель Левада дополняет яркими оценочными эпитетами. Раздел об «играх» получил название «Игра на проигрыш» [Там же:

1 Ср. также: «Относительная самостоятельность человека, вызванная неупразднимой гетерогенностью условий существования, выражалась в неполноте требуемой режимом общественной “выдержанности”. Следование требованиям властей обычно было показным, подневольная низко оплачиваемая работа сопровождалась халтурой..., демонстрация лояльности — административным торгом и коррупцией» [Гудков 2009: 14].

2 Ср. также: «Демонстративное принятие полной зависимости от всемогущего государства было условием сохранения определенной “ниши” для частного, семейного существования. Подчинение всеобщему планированию — гарантией возможности для некоторой хозяйственной автономии. Важно подчеркнуть взаимность “допусков”: тотальный государственный контроль не мог существовать без фактического признания частной сферы, как и “плановая” система не могла обходиться без личного интереса и “теневого” продолжения» [Левада и др. 1993: 30].

30–32]. Сделка с государством для Левады — это «сделка с дьяволом», результат которой — «разрушение структуры самой личности» [Там же: 31–32]; происходит «постоянное разложение критериев отношений», которое «разлагает все общество» [Там же: 32]. Советская модель строится на «двусмысленной, лукавой основе» [Там же: 30]; «устойчивая система двойных стандартов в обществе... весьма близка описанному Дж. Оруэллом принципу двоемыслия» [Там же: 30, 32]¹.

Стиль описания «лукавых игр» в большой мере задан, конечно, этической оценкой советского случая как ненормального. По словам Д. Дубина, размышления Левады о «советском человеке» начались в 1970-е годы в обстановке, когда советская система «стала представлять и представлять себя... как реальную и нормальную, сложившуюся надолго» [Дубин 2007: 32], в том числе с помощью пропагандистских формулировок о «советском народе» как «новой исторической общности». В концептуальной статье 1989 года Левада прямо противопоставляет человека «советского» и «нормального»: «[новый советский человек] вытеснил с авансцены человека человеческого, нормального, но никогда и нигде не смог его устранить» [Левада, Ноткина 1989: 24]. Тем не менее одного только этического объяснения будет недостаточно.

77

Прежде всего надо понять, каким образом отношение к режиму 1970-х годов могло стать определяющим также и в оценке повседневных практик уже постсоветского времени. Решающую роль в такой позиции, возможно, играет принятая Левадой в 1980-е годы метафора «социального перелома», который ломает, ничего по сути не меняя. Образ исторического перелома, который «как бы вынес на поверхность, обнажил, освободил от наслоений фундаментальные элементы и скрытые пружины всей человеческой деятельности», появляется в статье 1983 года об экономической антропологии Маркса [Левада 1993 (1983): 79]. В конце десятилетия статья о динамике социального перелома открывается похожей метафорой: «Период, переживаемый сегодня советским обществом, характеризуется глубоким разломом социальных структур, который приводит к обнажению скрытых пружин и механизмов жизни общественного организма» [Левада 1993 (1989): 159]. Для пояснения своей мысли Левада использовал понятие «аваланша» — снежной лавины, которая, срываясь, открывает взгляду не видимые ранее пласты.

1 Сопоставление практики советского общества с «двоемыслием» из антиутопии Дж. Оруэлла появляется уже в концептуальной статье 1989 года [Левада, Ноткина 1989: 22].

Аналитические тексты, посвященные новым волнам опроса, воспроизводят тот же образ: «Ситуация глубокого общественного перелома... не столько формирует *новые*, не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, сколько *обнаруживает*, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы» [Левада 2011 (1996): 74; курсив авторский]. Такое же отношение переносится на изучаемый «человеческий тип»: «...после развала советской системы на поверхность вышел не сказочный богатырь, а человек, готовый приспособливаться, чтобы выжить» [Левада и др. 1993: 265-266].

78 Наконец, в теории игры, которую разрабатывал Левада, была заложена возможность перейти от общей модели к моральным суждениям о постсоветском обществе. «Переходником» служит понятие «вырожденного случая». По свидетельству Б. Дубина, «подобные упрощенные варианты чрезвычайно интересовали Леваду как теоретика... действия» [Дубин 2010: 104]. «Вырожденными» игровыми действиями в концепции Левады выступали формальный ритуал и реактивное адаптивное действие, т. е. культурное действие без практической цели или, наоборот, чистое целеполагание, потерявшее культурную составляющую [Дубин 2007: 33-34]. Эти «вырожденные» модели Левада использовал затем для критики постсоветской действительности: «В этих категориях Левада описывает, в частности, характер власти, тип социума и поведение массового человека в России начала 2000-х годов» [Дубин 2010: 106-107].

Содержательными характеристиками «двоемыслия» можно определить, во-первых, его происхождение, обусловленное «антиномическими» ценностными значениями советского нормативного образца: «...сочетание взаимоисключающих... норм действия» придает этому образцу «неустранимый характер двоемыслия» [Гудков 2008: 23]; кроме того, «режим двоемыслия (мозаичность сознания, партикуляризм, способность соединять кажущиеся несовместимыми нормы и представления) порождает человека достаточно эластичного, чтобы выдержать внешнее давление и контроль» [Гудков 2007: 23].

Для внешнего наблюдателя (например, антрополога с Марса) здесь неясно, чем «антиномии» отличаются от обычных парных переменных действия наподобие выделенных группой Парсонса [Parsons, Bales, Shils 1953]¹; и почему «эластичность», способность

1 В социологической классике антиномичность человеческой деятельности была важной темой для М. Вебера (см.: [Арон 1993 [1967]: 514-522]) и в еще большей степени для Г. Зиммеля.

согласовывать противоречивые нормы и представления теперь не просто характеристика «игры», как в статье 1984 года, а признак патологии. Пока отметим только, что резко отрицательная характеристика «игр» советских людей для Левады бесспорно важна, и он ее придерживается до последних своих текстов.

Мы помним, что основным индикатором «лукавства» в текстах проекта «Советский человек» были ответы на вопрос, считают ли респонденты допустимым нарушение определенных норм из списка. Понимание «лукавства» как нарушения норм, которые публично поддерживаются всеми, мы находим также в «метком», по словам Левады, определении академика Т. Заславской — «лукавый раб»: «[лукавый раб] за порядок, но сам он обязательно попробует этот порядок обойти. Все процессы у нас с хитрецей: лукавый раб подчиняется, а сам думает, как уклониться» [Левада 2016 (2000)].

Здесь, как и в определении «двоемыслия», непонятно, почему эти характеристики приняты специфическими для «советского человека». Левада и участники его семинара наверняка знали работы Г. Беккера и Э. Гофмана («Фрейм-анализ» Левада цитирует в статье об «игровых структурах»). Мир скрытых девиантов и исполнителей, не верящих в собственные идеализированные роли, был описан последними как явление вполне универсальное. Вопрос, как все-таки удалось найти и доказать советскую исключительность, кажется неизбежным¹.

Левада и его коллеги понимали, насколько характеристики, которые они описывали как специфически советские, похожи на социологические реалии любой современной страны. Таковы, например, «сбои» в передаче культурного образца и конфликты между поколениями. «Плавный» переход от поколения к другому можно представить себе только в традиционном обществе... В социально-политической истории... современной, посттрадиционной..., становятся возможными такие феномены, как «разрывы» между поколениями (в установках и оценках), конфликты между поколениями «отцов и детей» и т. п.» [Левада 2005 [2001]: 40] — объясняет Левада без всякой отсылки к советской уникальности.

Та же неустранимая похожесть на обычное современное общество обнаруживается в механизмах, которые для советского (постсоветского) случая описываются как «двоемыслие» и «лу-

1 Сомнение, не принимает ли проект «Советский человек» универсальные характеристики за уникальные советские, раньше высказывал А. Согомонов, который видел в проекте «недооценивание универсальной природы современного субъекта, а подчас и неосознанный отказ увидеть его в русско-советском культурно-антропологическом типе» [Согомонов 1998].

кавая игра». «Современный человек включен во множество различных институциональных отношений, а потому подчиняется их требованиям... При этом групповые или институциональные императивы почти всегда оказываются между собой в некотором противоречии... Эта разорванность сознания типична для... дифференцирующегося общества» [Гудков 2007: 18] — тоже универсалистская логика, описанная еще Зиммелем в «Социальной дифференциации» [Зиммель 1996 [1890]: 410-428]. «Чем дифференцированное, чем сложнее устроено общество..., тем более важной оказывается задача теоретического представления механизмов смысловых и социальных переходов, поскольку именно благодаря им удерживается целостность и интегрированность общества» [Гудков 2007: 18] — тоже общая тенденция.

80

Последние два примера помогают проследить, как в итоге утверждается исключительность советского (постсоветского) опыта. Следующим ходом появляется аргумент, призванный показать, чем «наш» случай на самом деле не такой. «Разорванность сознания, типичная для дифференцирующегося общества», становится «социальной шизофренией» в случае, «если сохраняется жесткий социальный контроль над символической сферой (когда можно говорить об инерции господствующей идеологии, реже — государственной религии)» [Гудков 2007: 18]. Интегрирующее социальное действие, если оно приводит к «бесконечной адаптации (“терпению”) к авторитарическому и традиционно-патерналистскому репрессивному государству», отличается в худшую сторону тем, что «сдерживает процессы дифференциации... блокирует потенциал развития общества» [Там же]. Заметим, что в стандартных версиях социологии интеграция и дифференциация *по определению* разнонаправлены и сдерживают друг друга.

«Дифференцированность» общества, которая в текстах группы Левады регулярно становится критерием модернизации и, значит, нормальности/ненормальности, выступает в них как величина заранее известная. Каких-либо попыток оценить ее количественно, проследить динамику, сравнить с показателями других стран мы не видим. Речь идет, вероятно, о важном методологическом решении, которое дает необходимый результат даже без формализованной эмпирической проверки. Именно с ним нам предстоит разобраться.

Транспонирование как стиль

Сквозную теоретическую проблематику работ Левады можно определить вслед за Л. Гудковым как попытку «создать адекватные для анализа советской реальности инструменты» [Гудков 2008: 9]

или, более конкретно, «транспонировать парсоновскую парадигму на материал обществ с запаздывающей или догоняющей модернизацией» [Там же: 13]¹.

Необходимость «транспонирования» иностранных социологических теорий, в свою очередь, объясняется тем, что «выработанные западной социологией объяснительные ресурсы были ориентированы... на анализ... обществ, завершивших процессы модернизации. Для других обществ — незавершенной... в том числе тоталитарной модернизации — эти категории принимали характер утопических» [Там же: 9]. Как следствие, «автоматическое перенесение западной терминологии на действительность тоталитарных обществ-государств неизбежно приводит к ложной идентификации разнородных социальных феноменов» [Там же: 10]².

Аргументы такого рода были частью дискуссии о применимости или неприменимости западных теорий в России, самая интенсивная стадия которой пришлась на 1990-е годы. Выделить из общего ряда логику, которая отличает группу Левады, позволит ее сопоставление с аргументами «западнической» универалистской позиции. В развернутом виде их в свое время представил В. Радаев [2000].

В защиту тезиса, что «все социальные теории и аналитические инструменты в конечном счете применимы к любым обществам и в любое время», В. Радаев предлагает два аргумента: 1) термины и концепции должны быть универсальными, чтобы была возможна коммуникация между учеными разных стран; 2) термины и концепции — это аналитические инструменты, которые всегда ограничены и всегда в чем-то отклоняются от эмпирической реальности. Оспаривая базовое положение оппонентов, что «теория отражает реальность», В. Радаев [2000] замечает: «Почему мы полагаем, будто концепция рынка отражает западные реалии? Ведь известно, что она представляет собой аналитический конструкт, изображение идеального типа, который в подобном виде никогда и нигде не существовал и существовать не будет».

81

1 Последнюю формулировку Л. Гудков относит к структурно-функционалистским текстам Левады 1970-х годов. К последующим работам она применима с поправкой на описанный выше поиск Левадой самостоятельных теоретических решений, выходящих за рамки структурного функционализма.

2 Ср. также: «В случае же, когда российские ученые начинают механически переносить западные теоретические конструкции или схемы на российский материал, практически ничего не меняя или не интерпретируя их в соответствии с российской спецификой, возникает эффект ложного опознания, всякого рода артефакты и диалектические мнимости» [Гудков 2006].

Против тезиса, что «западные теории следует адаптировать к российским реалиям», В. Радаев, который расценивает его как «неприятное заблуждение», приводит решающий, как ему кажется, «простейший пример»: «Сегодня практически всем известна трактовка Максом Вебером четырех типов социального действия: целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного. Это, бесспорно, западный концепт. Что нам, скажите на милость, нужно в данном случае адаптировать или достраивать» [Радаев 2000]. Вопрос для В. Радаева риторический, следующей же фразой он ясно заявляет, что типология Вебера «в подобном приспособлении не нуждается».

82 Именно в этой точке мы обнаруживаем, что для группы Левады вопрос о терминах Вебера совсем не «простейший»: даже здесь «бездумное» принятие будет неприемлемым. Показательна реакция Л. Гудкова на сравнительные исследования ценностей, точнее, на российских авторов, анализирующих ценности в России по методикам Р. Инглхарта и другим аналогичным. «Не сомневаясь ни на минуту» в валидности получаемых данных, Л. Гудков оспаривает в таких исследованиях «бездумно» принимаемую позицию, что «ценности... есть в любых социумах, вне зависимости от их устройства, что люди всегда нечто считали... более важным и значимым, чем другие вещи и понятия» [Гудков 2008а: 11]. Для него, напротив, «остается неясным, можно ли вообще говорить о ценностях в странах незавершенной модернизации, и не имеем ли мы дело с ложной идентификацией...? Опасность последней достаточно велика» [Там же: 12].

Понятие «ценности» в веберовской социологии даже более фундаментальное, чем типы рациональности действия. Аргумент Л. Гудкова скорее контринтуитивный и заслуживает внимания хотя бы своей радикальной последовательностью. Осталось только выяснить, какие основания позволяют его выдвинуть.

От истории понятий к судьбам России

Самой краткой формулировкой правила, позволяющего оспорить «бездумный перенос» вообще любых терминов и концепций, будет: «Чтобы обсуждать продуктивность научных понятий, нужна их история» [Гудков 2010: 112]. Истоки правила Л. Гудков находит в лекциях Левады 1967 года: «Один из самых надежных способов выявить особенности социологического метода в изучении общества состоит, очевидно, в том, чтобы проследить, как этот метод *формировался*» [Левада 2011 (1969): 36; Гудков 2008: 36]. Мы должны принять, что «язык социологического описания не универсален, что он рождается в определенных социальных обстоятельствах, выступающих

в качестве личных проблем исследователей» [Гудков 2008: 10]. Отсюда следует, что «обсуждение или анализ эффективности понятий или терминов можно вести только при условии ясного понимания, в ответ на какую социальную или культурную, интеллектуальную коллизию... они были выработаны, (...) как они связаны с историческими, культурными, групповыми или политическими интересами» [Гудков 2010: 112].

Как работает правило «выяснить исторический контекст», хорошо видно на уже знакомом примере понятия «ценности». Контекст подсказывает, что «понятие ценности рождается в ответ на необходимость осмыслить интенсивно идущие процессы усложнения социальной структуры» [Гудков 2008а: 12]. Ценности, как замечает Л. Гудков, изначально «связаны с *субъективным выбором*», однако «выбор возникает только при дифференциации институтов» [Там же: 13]. В таком случае «сама возможность выбора в социумах разного типа радикально различается: всерьез о выборе в традиционных или иерархических, сословных, закрытых сообществах говорить не приходится». Следовательно, понятия ценностей и выбора «совсем не самоочевидны», в частности, «для посттоталитарных обществ, где зоны выбора и оценки очень ограничены» [Там же].

83

Дискуссию, заданную аргументами В. Радаева и Л. Гудкова, можно было бы продолжить тезисом, что зависимость терминов и вообще аналитических построений от исторического контекста может быть разной — настолько, что для наиболее абстрактных категорий ее можно вынести за скобки. Основанием для такого аргумента будет, в частности, предложенное Р. Ароном деление идеальных типов Вебера на категории разной степени абстракции: индивидуальные исторические образования («западный город»); аналитические элементы, характерные для многих обществ («бюрократия», «харизматическое господство»), идеальные конструкции гипотетического поведения (термины теории действия) [Арон 1993 [1967]: 513-514]. В таком случае «простейшие примеры» В. Радаева (типы рациональности действия) и Л. Гудкова («город российский» оказывается не городом в европейском смысле, поскольку он не соответствует модели самоуправляющейся хозяйственной и правовой коммуны» [Гудков 2008: 10]) окажутся разведены по разным уровням абстрактности (или, наоборот, исторической уникальности).

Для нас важнее все-таки выяснить, как устроено сопоставление с «нормальными» образцами, которое каждый раз заканчивается отнесением советского (постсоветского) случая к «ненормальному». Конкретные характеристики — такие как «завершенность модернизации» или «дифференцированность общества» — вряд ли помогут, потому что критерии проверки «завершенности» или «дифферен-

цированности» мы не обнаруживаем. Если в строгом соответствии с правилом «выяснить контекст» задать исследовательский вопрос, где больше модернизации и дифференциации: в Германии начала XX века, где создавалась неокантианская теория ценностей, или в России начала XXI века, ответ в пользу первого варианта будет по крайней мере не очевидным.

Прояснить логику проекта Левады снова поможет сопоставление с аргументами критиков. Открывший полемику М. Габович замечает, что группа Левады регулярно сравнивает Россию с «“западным обществом” в единственном числе», и отдельно обращает внимание, что Л. Гудков «даже возводит это противопоставление в ранг методологического принципа» [Габович 2008: 57]. Недостаток такого принципа М. Габович видит в том, что при его последовательном применении «российская самобытность становится едва поддающимся фальсификации символом веры» [Там же].

Прямой ответ на критику М. Габовича содержится в статье Л. Гудкова о «морали в посттоталитарном обществе» [Гудков 2013]. Отстаивая метод «обобщенной модели стран, завершивших процессы модернизации, как системы координат для описания российских явлений», Л. Гудков без колебаний признает: «...для нас (меня и моих коллег) давно понятно, что “Запад” это понятийный конструкт (имеющий статус трансцендентальной предпосылки), а не описание конкретных обществ европейских стран, что это весьма условное образование, не обладающее иным статусом реальности, кроме модальности методологических сравнений» [Там же: 122]. Тем не менее, настаивает Л. Гудков, конструкция «Россия — Запад» неизбежна «при социологическом анализе российской действительности» [Там же].

Решающий аргумент Л. Гудкова, который он предъявляет критикам, состоит в том, что сопоставление с Западом для «общества запаздывающей модернизации» — *«культурно предзадано и обосновано»*, «конститутивно для национального самосознания и составляет одно из важнейших... течений в русском мышлении». Там, в русском мышлении, «целый ряд ценностных представлений, базовых мифов и идеологем... не могут быть выражены иначе, чем с помощью референции к условному “Западу”» [Там же, курсив авторский] — именно поэтому, если закончить силлогизм за автора, «обобщенная модель Запада» неизбежна при социологическом анализе.

Полученный вывод станет понятным, если добавить еще одно условие, важное для группы Левады: «...любой серьезный социологический проект... обращен к конкретному обществу и его сегодняшним проблемам» [Дубин 2007: 31]. Признаком таких проектов оказываются «большие проблемы», которые, в свою очередь, предполагают «специфический аппарат интерпретации — язык институ-

циональных систем, длительных массовых процессов, социальный уровень рассмотрения» [Гудков 2010: 108].

Итак, социология для проекта Левады — это прежде всего течение русской мысли, примерно в одном ряду с Чаадаевым, Иваном Карамазовым и разговорами в электричке Москва — Петушки. Методология проекта, вызывающая, как мы видели, много вопросов с позиций академической социологии, становится намного понятнее в логике «национального самосознания». Вопрос «ценностные установки или границы метода», вынесенный в заголовок реплики Т. Ворожейкиной [2008], решается сам собой, если метод сравнения с «обобщенным Западом» — это прежде всего «артикулированная ценностная позиция» в большой русской дискуссии [Гудков 2013: 122-123]. «Транспонирование» терминов западной социологии, на-верно, действительно нужно, когда мы переносим их из академического контекста в разговор о судьбах России.

Вернуть Леваду в социологию

Осталось ответить на главный вопрос: как вернуть проект Левады в социологическую дискуссию. Теперь мы знаем, откуда его нужно вернуть: из «русского мышления» о выборе исторической судьбы. Мы знаем метод, который придется использовать: обратное «транспонирование» из экзистенциальных споров в академический контекст.

«Транспонирование» проекта в академическую науку сильнее всего скажется на поздней версии «советского человека», в которой преобладают «лукавство, двоемыслие, приспособленность». Наверное, стоит сразу принять интуицию, что люди в постсоветском мире (тоже) действуют, приспосабливаются к окружающей обстановке, учитывают существующие нормы и ценности и стараются согласовать их со своими интересами. Волюнтаристская теория действия Парсонса и последующие микросоциологические альтернативы видят людей практически такими же. Сравнение с трансцендентальным «Западом», после которого всякий смертный становится «приспособленным, лукавым, двоемысленным», — наоборот, модальность совсем другого разговора¹.

Концепция нормативного образа «советского человека» и его основных ориентаций (ценностной, нормативной, ролевой и др.),

1 Цинизм или склонность к обману, разумеется, может быть релевантной социологической проблемой, но концепция «советского человека» не дает подходящего инструмента, чтобы ей заниматься (кроме простых вопросов типа «Считаете ли вы допустимым нарушение X»).

гипотеза о динамике этого образца в масштабе поколений — все они, избавленные от принудительного «транспонирования» в разговор о судьбе, опять становятся достойной и содержательной моделью в стиле Парсонса 1960-х годов. На мой взгляд, она действительно может пригодиться как инструмент для объяснения и, может быть, предсказания установок, преобладающих в повестке определенного периода. По мотивам реконструированной модели Левады можно предложить, в первом приближении, следующую схему (табл. 2). Такая схема позволяет, в частности, по-новому взглянуть на структурные основания протестной политической повестки 2010-х годов: универсализм, равенство граждан перед законом, публичный интерес (против коррупции).

Таблица 2. Примерная реконструкция господствующих установок в России по периодам (поколениям) XX — начала XXI веков

Table 2. Prevalent attitudes in Russia, by periods (generations) of XX — early XXI centuries: approximate scheme

86

Повестка (период)	Ценности	Нормы	Коллективы	Роли
Революционная (1920-е)	Универсализм	Равенство	Достижение	Государство
Советская (1930-1950-е)	Партикуляризм (СССР)	Иерархия	Лояльность	(?)
Шестидесятники (1960-е)	Универсализм	Равенство	Достижение	(?)
«Застой» (1970-е)	(?)	Иерархия	Лояльность	Приватная
Перестройка, 1990-е	Универсализм (Запад)	Равенство	Достижение	Приватная
2000-е	Партикуляризм (Россия)	Иерархия	(?)	Государство

Модель динамики советской системы в логике нарастающих «сбоев» тоже представляет собой продуманную концепцию в стиле теорий модернизации 1960-х годов. В мире научных, а не экзистенциальных дискуссий первый большой вызов, с которым она может

столкнуться, состоит в том, что существует серьезная альтернатива, разработанная Парсонсом. «Система современных обществ» Парсонса в начале 1970-х годов предложила свой прогноз политических и экономических изменений, которые могут произойти в советской системе. Главное отличие версии Парсонса в том, что она видит источник перемен не в «сбоях», а в продолжении модернизационной динамики, уже присутствующей в советском обществе.

Парсонс отмечал, что «несмотря на свой по преимуществу диктаторский характер, советский режим осуществил многое из того, что свойственно демократической революции», прежде всего отмену старых сословных привилегий [Парсонс 1998 (1971): 165]. Советская идеология для Парсонса представляет собой «скорее “конкретизацию” более общего западного ценностного образца — инструментального активизма, чем отступление от него»; именно она позволяет оспаривать легитимность правящего в СССР нового «высшего класса» [Там же: 165-166]. Воспитание граждан в идеологии «добропорядочного социализма», который не признает легитимацию «по рождению», приведет к тому, что «будет нарастать давление в сторону демократизации, подобное тому, какое развилось в западных политических системах» [Там же: 169]. Индустриализация, система массового образования и развитие городов сократили масштабы локальной замкнутости и партикуляризма, выросла социальная и географическая мобильность [Там же: 166, 169]. Командная экономика урезала механизмы денег и рынка, но даже она с повышением доходов граждан вынуждена строить свои планы с учетом предпочтений потребителя [Там же: 167-168]. Из институционализованного, хотя и сильно ограниченного избирательного права и признаваемого хотя бы декларативно набора личных прав «может развиваться компонент гражданства, похожий на общеевропейские образцы» [Там же: 168]. В итоге, предсказывает Парсонс, «дальнейшее развитие вполне может пойти в основных чертах по пути образования одного из западных типов демократического государства с ответственностью перед электоратом, а не самоназначенной партией» [Там же: 169].

Продолжающей Леваду постсоветской теории «разложения тоталитаризма» повезло больше всех: мы видели, что содержательная дискуссия по ее мотивам уже началась [Ворожейкина 2008].

87

Библиография / References

Адорно Т., Френкель-Брюнсуик Э., Левинсон Д., Сэнфорд Р. (2001 [1950]) *Исследование авторитарной личности*, М.: Академия исследований культуры.

— Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford D. (2001 [1950]) *The Authoritarian Personality*, M.: Akademiya Issledovaniy Kul'tury. — in Russ.

Алмонд Г., Верба С. (2014 [1963]) *Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти странах*, М.: Мысль.

— Almond G., Verba S. (2014 [1963]) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, М.: Mysl. — in Russ.

Арон Р. (1993 [1967]) *Этапы развития социологической мысли*, М.: Прогресс, Универс.

— Aron R. (1993 [1967]) *Main Currents in Sociological Thought*, М.: Progress, Univers. — in Russ.

Бикбов А., Гавриленко С. (2002) Российская социология: автономия под вопросом. *Логос*, (5-6): 1-25.

— Bikbov A., Gavrilenko S. (2002) Russian Sociology: Autonomy in Question. *Logos*, (5-6): 1-25. — in Russ.

Бикбов В., Гавриленко С. (2003) Российская социология: автономия под вопросом (Часть 2). *Логос*, (2): 51-85.

— Bikbov A., Gavrilenko S. (2003) Russian Sociology: Autonomy in Question (Part 2). *Logos*, (2): 51-85. — in Russ.

Вахштайн В. (2009) По ту сторону постсоветской социологии: парадоксы и тавтологии. *Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения*. Том XVI, М.: Университетская книга: 17-39.

88

— Vakhshayn V. (2009) Beyond Post-Soviet Sociology: Paradoxes and Tautologies. *Ways of Russia: Contemporary Intellectual Space: Schools, Turns, Generations*, Vol. XVI, М.: Universitetskaya Kniga: 17-39. — in Russ.

Ворожейкина Т. (2008) Ценностные установки или границы метода. *Вестник общественного мнения*, (4): 62-69.

— Vorozheikina T. (2008) Values Orientation or Methodical Limits. *Russian Public Opinion Herald*, (4): 62-69. — in Russ.

Габович М. (2008) К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады. *Вестник общественного мнения*, (4): 50-61

— Gabowitsch M. (2008) To The Discussion on Theoretical Legacy of Yuri Levada. *Russian Public Opinion Herald*, (4): 50-61. — in Russ.

Гудков Л. (2006) О положении социальных наук в России. *Новое литературное обозрение*, (1): 314-339.

— Gudkov L. (2006) On the Situation of Social Sciences in Russia. *New Literature Observer*, (1): 314-339 — in Russ.

Гудков Л. (2007) «Советский человек» в социологии Юрия Левады. *Общественные науки и современность*, (6): 16-30.

— Gudkov L. (2007) “Soviet Man” in Yuri Levada’s Sociology. *Social Sciences and Contemporary World*, (6): 16-30. — in Russ.

Гудков Л. (2008а) Общество с ограниченной вменяемостью. *Вестник общественного мнения*, (1): 8-32.

— Gudkov L. (2008a) Limited Sanity Society. *Russian Public Opinion Herald*, (1): 8-32. — in Russ.

- Гудков Л. (2008b) Проблемы социологии Юрия Левады. *Мир России*, (3): 3-36
 — Gudkov L. (2008b) Issues of Yuri Levada's Sociology. *Universe of Russia*, (3): 3-36. — in Russ.
- Гудков Л. (2009) Условия воспроизводства «советского человека». *Вестник общественного мнения*, (2): 8-37.
 — Gudkov L. (2009) Conditions for "Soviet Man" Reproduction. *Russian Public Opinion Herald*, (2): 8-37. — in Russ.
- Гудков Л. (2010) Есть ли основания у теоретической социологии в России. *Социологический журнал*, (1): 104-125.
 — Gudkov L. (2010) Does Theoretical Sociology Have Ground in Russia. *Sociological Journal*, (1): 104-125. — in Russ.
- Гудков Л. (2011) *Абортивная модернизация*, М.: РОССПЭН.
 — Gudkov L. (2011) *Abortive Modernization*, М.: ROSSPEN. — in Russ.
- Гудков Л. (2013) Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе. *Вестник общественного мнения*, (3-4): 118-179.
 — Gudkov L. (2011) Person in Non-Moral Area: Toward Sociology of Morality in Post-Totalitarian Society. *Russian Public Opinion Herald*, (3-4): 118-179. — in Russ.
- Димке Д. (2012) Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии. *Социс*, (6): 97-106.
 — Dimke D. (2012) Classics without Classics: Social and Cultural Origins of Soviet Sociology Style. *Sociological Studies (Socis)*, (6): 97-106. — in Russ.
- Дубин Б. (2007) Традиция, культура и игра в социологии Юрия Левады. *Общественные науки и современность*, (6): 31-38.
 — Dubin B. (2007) Tradition, Culture and Game in Sociology of Yuri Levada. *Social Sciences and Contemporary World*, (6): 31-38. — in Russ.
- Дубин Б. (2010) Позднесоветское общество в социологических разработках Юрия Левады 1970-х годов. *Общественные науки и современность*, (5): 101-110.
 — Dubin B. (2010) Late Soviet Society in Sociological Working of Yuri Levada in 1970s. *Social Sciences and Contemporary World*, (5): 101-110. — in Russ.
- Зиммель Г. (1996 [1890]) Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования. *Избранное. Том 2. Созерцание жизни*, М., Юрист: 301-465.
 — Simmel G. (1996 [1890]) *Social Differentiation: Sociological and Psychological Studies. Simmel G. Selected Works. Vol. 2. View of Life*, М.: Yurist: 301-465. — in Russ.
- Инкельс А. (1972 [1968]) Личность и социальная структура. *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*, М.: Прогресс: 31-53.
 — Inkeles A. (1972 [1968]) *Personality and Social Structure. American Sociology: Perspectives, Problems, Methods*, М., Progress: 31-53. — in Russ.
- Левада Ю. (1993 [1979]) О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата). Левада Ю. *Статьи по социологии*, М.: 50-60.
 — Levada Y. (1993 [1979]) On Reproductive System Model Specification (Conceptual Framework Issues). Levada Y. *Articles on Sociology*, М.: 50-60. — in Russ.

Левада Ю. (1993 [1983]) Проблемы экономической антропологии у К. Маркса. *Статьи по социологии*, М.: 71-87.

— Levada Y. (1993 [1983]) Issues of Economic Anthropology by Karl Marx. Levada Y. *Articles on Sociology*, М.: 71-87. — in Russ.

Левада Ю. (1993 [1984]) Игровые структуры в системах социального действия. *Статьи по социологии*, М.: 99-119.

— Levada Y. (1993 [1984]) Game Structures in Systems of Social Action. *Articles on Sociology*, М.: 99-119. — in Russ.

Левада Ю. (1993 [1989]) Динамика социального перелома: возможности анализа. *Статьи по социологии*, М.: 159-176.

— Levada Y. (1993 [1989]) Dynamics of Social Breakdown: The Possibilities of Analysis. *Articles on Sociology*, М.: 159-176. — in Russ.

Левада Ю. (2000) Homo Post-Soveticus. *Общественные науки и современность*, (6): 5-24.

— Levada Y. (2000) Homo Post-Soveticus. *Social Sciences and Contemporary World*, (6): 5-24. — in Russ.

Левада Ю. (2004) «Человек советский»: Публичная лекция на «Полит.ру». *Полит.ру*, 15 апреля.

90 — Levada Y. (2000) "Soviet Man": Public Lecture at Polit.ru. *Polit.ru*. April 15. — In Russ.

Левада Ю. (2005 [2001]) Поколения XX века: возможности исследования. Левада Ю., Шанин Т. (сост.) *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*, М.: Новое литературное обозрение: 39-60.

— Levada Y. (2005 [2000]) Generations of XX Century: The Possibilities for Study. Levada Y., Shanin T. *Fathers and Sons: Contemporary Russia Generations Study*, М.: New Literary Observer: 39-60. — in Russ.

Левада Ю. (2008) «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе». *Социологический журнал*, (1): 155-174.

— Levada Y. (2008) "To Act Differently Would be Unnatural, I Thought". *Sociological Journal*, (1): 155-174. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [1969]) *Лекции по социологии*, М.: Издатель Е.В. Карпов.

— Levada Y. (2011 [1969]) *Lectures on Sociology*, Moscow: Publisher E.V. Karpov. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [1995]) Человек советский пять лет спустя: 1989-1994. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 57-73.

— Levada Y. (2011 [1969]) Soviet Man Five Years After: 1989-1994. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 57-73. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [1996]) Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 74-90.

— Levada Y. (2011 [1996]) "Soviet Man" Phenomenon Revisited: Issues of Analysis Methodology. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 74-90. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [1999]) Человек советский десять лет спустя: 1989–1999. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 111-145.

— Levada Y. (2011 [1996]) Soviet Man Ten Years After: 1989–1999. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 111-145. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [1999]) Человек приспособленный. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 146-173.

— Levada Y. (2011 [1996]) Adapted Man. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 146-173. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [2000]) Человек лукавый: двоемыслие по-русски. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 197-223.

— Levada Y. (2011 [2000]) Sly Man: Doublethink Russian Style. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 197-223. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [2000]) Человек ограниченный: уровни и рамки притязаний. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 224-246.

— Levada Y. (2011 [2000]) Limited Man: Levels and Frames of Aspirations. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 224-246. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [2001]) Координаты человека. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 275-300.

Levada Y. (2011 [2001]) Framework for Human. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 275-300. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [2003]) «Человек советский» в эпоху перемен. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 366-387.

— Levada Y. (2011 [2003]) “Soviet Man” in the Era of Changes. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 366-387. — in Russ.

Левада Ю. (2011 [2004]) «Человек советский» и его рамки самоопределения. *Сочинения: Проблема человека*, М.: Издатель Е.В. Карпов: 408-433.

— Levada Y. (2011 [2003]) “Soviet Man” and His Self-Identification Frame. *Selected Works: The Problem of Human Being*, М.: Publisher E.V. Karpov: 408-433. — in Russ.

Левада Ю. (2016 [1992]) «Уходящая натура?». *Время перемен: Предмет и позиция исследователя*, М.: Новое литературное обозрение: 481-498.

— Levada Y. (2011 [2003]) “The Vanishing Kind?”. *The Time of Changes: Subject Matter and Researcher’s Position*, М.: New Literary Observer: 481-498. — in Russ.

Левада Ю. (2016 [2000]) Диагноз: агрессивная мобилизация с астеническим синдромом. *Время перемен: Предмет и позиция исследователя*, М.: Новое литературное обозрение: 597-601.

— Levada Y. (2016 [2000]) Diagnosis: Aggressive Mobilization with Asthenic Syndrome. *The Time of Changes: Subject Matter and Researcher’s Position*, М.: New Literary Observer: 597-601. — in Russ.

Левада Ю. (отв. ред.), Голов А., Гражданкин А., Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Левинсон А., Седов Л. (1993) *Советский простой человек: Опыт социологического портрета на рубеже 90-х*, М.: Мировой океан.

— Levada Y. (ed.), Golov A., Grazhdankin A., Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N., Levinson A., Sedov L. (1993) *Soviet Simple Man: An Attempt of Sociological Portrait at the Turn of 90s*, M.: Mirovoj Okean. — in Russ.

Левада Ю., Долгий В., Левинсон А. (1993 [1974]) Урбанизация как социокультурный процесс. *Статьи по социологии*, М.: 24-38.

— Levada Y., Dolgy V., Levinson A. (1993 [1974]) Urbanization as Socio-Cultural Process. *Articles on Sociology*, M.: 24-38. — in Russ.

Левада Ю., Долгий В., Левинсон А. (1993 [1976]) К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации. *Статьи по социологии*, М.: 39-49.

— Levada Y., Dolgy V., Levinson A. (1993 [1976]) Toward Problem of Social Time-Space Change in Urbanization Process. *Articles on Sociology*, Moscow: 39-49. — in Russ.

Левада Ю., Ноткина Т. (1989). Мера всех вещей. А. Вишневский (ред.). *В человеческом измерении*, М.: Прогресс: 11-24.

— Levada Y., Notkina T. (1989) The Measure of All Things. A. Vishnevsky (ed.). *In Human Dimension*, M.: Progress: 11-24. — in Russ.

Луман Н. (1991 [1987]) Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. *Социо-Логос: Социология. Антропология. Метафизика. Выпуск 1. Общество и сферы смысла*, М.: Прогресс: 194-215.

— Luhmann N. (1991 [1987]) Tautology and Paradox in the Self-Descriptions of Modern Society. *Socio-Logos: Sociology. Anthropology. Metaphysics. Issue 1. Society and Realms of Sense*, M.: Progress: 194-215. — in Russ.

От редакции (2008) *Вестник общественного мнения*, (4): 50.

— Editorial Preface (2008) *Russian Public Opinion Herald*, (4): 50. — in Russ.

Парсонс Т. (1998 [1971]) *Система современных обществ*, М.: Аспект Пресс.

— Parsons T. (1998 [1971]) *The System of Modern Societies*, M.: Aspekt-Press. — in Russ.

Парсонс Т. (2002a [1937]) Структура социального действия. *О структуре социального действия*, М.: Академический проект: 43-328.

— Parsons T. (2002a [1937]) The Structure of Social Action. *On Structure of Social Action*, M.: Academic Project: 43-328. — in Russ.

Парсонс Т. (2002b [1966]) Общества. *О социальных системах*, М.: Академический проект: 779-828.

Parsons T. *On Social Systems*, M.: Academic Project: 779-828. — in Russ.

Радаев В. (2000) Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? *Pro et Contra*, (3): 202-214.

— Radaev V. (2000) What Chance to Create Russian National Theory in Social Sciences? *Pro et Contra*, (3): 202-214. — in Russ.

Радаев В. (2018) Прощай, советский простой человек! *Общественные науки и современность*, (3): 51-65.

— Radaev V. (2018) A Farewell to Soviet Simple Man. *Social Sciences and Contemporary World*, (3): 51-65. — in Russ.

Радаев В. (2019) *Миллениалы: Как меняется российское общество*, М.: ИД ВШЭ.

- Radaev V. (2019) *Millenials: How Russian Society Changes*, М.: HSE Publishing House. — in Russ.
- Семенова В. (1998) Социология молодежи. В. Ядов (ред.) *Социология в России*, М.: Издательство Института социологии РАН: 130-147.
- Semenova V. (1998) *Sociology of Youth*. V. Yadov (ed.) *Sociology in Russia*, М.: Institute of Sociology Publishing House: 130-147. — in Russ.
- Согомонов А. (1994) [Рецензия] «Советский простой человек: опыт социологического портрета на рубеже 90-х». *Социологический журнал*, (1): 182-185.
- Sogomonov A. (1994) [Review] “Soviet Simple Man: An Attempt of Sociological Portrait at the Turn of 90s”. *Sociological Journal*, (1): 182-185. — in Russ.
- Согомонов А. (1998) Социология культуры: теоретический аспект. В. Ядов (ред.) *Социология в России*, М.: Издательство Института социологии РАН: 335-345.
- Sogomonov A. (1998) *Sociology of Culture: Theoretical Aspect*. *Sociology in Russia*, М.: Institute of Sociology Publishing House: 335-345. — in Russ.
- Соколов М. (2009) Российская социология после 1991 года: Интеллектуальная и институциональная динамика “бедной науки”. *Laboratorium*, (1): 20-57.
- Sokolov M. (2009) *Russian Sociology After 1991: Intellectual and Institutional Dynamics of “Poor Science”*. *Laboratorium*, (1): 20-57. — in Russ.
- Соколов М. (2012) О процессе академической (де)цивилизации. *Социс*, (3): 21-30.
- Sokolov M. (2012) *On Academic (De)civilizing Process*. *Sociological Studies (Socis)*, (3): 21-30. — in Russ.
- Соколов М., Титаев К. (2013) Провинциальная и туземная наука. *Антропологический форум*, (19): 239-275.
- Sokolov M., Titaev K. (2013) *Provincial and Indigenous Scholarship*. *Forum for Anthropology and Culture*, (19): 239-275. — in Russ.
- Филиппов А. (2013) Советская социология как полицейская наука. *Новое литературное обозрение*, (5): 48-63.
- Filippov A. (2013) *Soviet Sociology as Policy Science*. *New Literary Observer*, (5): 48-63. — in Russ.
- Хархордин О. (2002) *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*, СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад.
- Kharkhordin O. *Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Russian Personality*, St. Petersburg: EUSP Press; М.: Letniy Sad. — in Russ.
- «Циничный, двуличный, апатичный: Почему «человек советский» продолжает жить среди россиян и заставляет их терпеть и страдать (2019) *Лента.ру*, 24 мая.
- “Cynical, Two-Faced, Apathetic: Why “Soviet Man” Keeps Living Among Russians and Forces Them to Endure and Suffer (2019). *Lenta.ru*, May 24. — in Russ.
- Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*, М: Неприкосновенный запас.
- Yurchak A. (2014) *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*, М.: Neprikosnovennij Zapas. — in Russ.

Inkeles A., Bauer R. (1959) *The Soviet Citizen*, Cambridge: Harvard University Press.

Scott J. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Heaven: Yale University Press.

Parsons T., Bales R., Shils E. (1953) *Working Papers in the Theory of Action*, New York: The Free Press.

Рекомендация для цитирования:

Титков А.С. (2019) Призрак советского человека. *Социология власти*, 31 (4): 53-94.

For citations:

Titkov A.S. (2019) The Spectre of the Soviet Man. *Sociology of Power*, 31 (4): 53-94.

Поступила в редакцию: 11.12.2019; принята в печать: 21.12.2019

Received: 11.12.2019; Accepted for publication: 21.12.2019